

тельных критериев, не можем говорить о "правильной" или "неправильной" рефлексии, зато оказываемся в состоянии (разумеется, только в принципе) классифицировать различные ситуации по степени рефлексии. Рефлексия есть естественное состояние, естественная способность мышления, которая, впрочем, в эмпирических обстоятельствах всегда обнаруживается в более или менее редуцированных, ослабленных формах, вплоть до таких автоматизмов деятельности, в которых она вообще не выражена.

Отметим, наконец, следующее. Рефлексия в равной степени может быть направлена как на собственную деятельность, так и на деятельность другого. Точнее говоря, в исходном пункте, когда рефлексия представлена как поток, этого различия себя и другого еще не существует. Следовательно, не только объектная обусловленность деятельности, но и ее социальные и культурные заданные характеристики могут быть представлены как специфические объективации рефлексии.

И. А. Розов

Рефлексия и феноменологическое описание деятельности

Любые различия и понятия, которые мы вводим в процессе познания, должны отвечать требованию эффективности, т.е. приводить к постановкам новых проблем и к выявлению новых закономерностей. В этом плане нерационально использовать термин "рефлексия" в очень широком смысле слова, как это нередко делают, идентифицируя его с самопознанием или самосознанием вообще. Рассмотрим один из возможных путей уточнения этого термина.

Известно, что поведение газа в сосуде, как и поведение многих других систем, можно описывать с двух разных точек зрения. Первый путь — феноменологическое описание. В случае газа он может привести нас к таким, например, законам, как закон Бойля-Мариотта или Гей-Люссака. Второй путь — описание внутренних механизмов, которые обуславливают феноменологические эффекты. На этом пути мы можем построить кинетическую теорию газов. Представим себе совершенно фантастическую ситуацию: будем считать, что

газ способен усвоить результаты феноменологических описаний и взять их на вооружение при определении характера своего поведения. Разумеется, это означало бы коренное изменение механизмов этого поведения. Если раньше, например, давление газа при изменении объема определялось беспорядочным движением молекул и их столкновениями, то теперь все будет подчиняться строгой дисциплине, ибо газ, вооружившись измерительными приборами, карандашом и бумагой, может просто вычислять необходимое давление по закону Бойля-Мариотта или уравнению Клайперона. Перед нами фантастика, очень далекая от науки. Но она становится реальностью, если речь идет о феноменологическом описании человеческой деятельности. Такое описание человек, действительно, может заимствовать и использовать, меняя тем самым и механизм последующего воспроизведения того, что он делал. Мы сталкиваемся здесь с принципиально новой ситуацией, с которой никогда не имело дела естествознание.

Но нужно ли здесь противопоставлять феноменологическое описание описанию внутренних механизмов? Да, ибо интерес представляет прежде всего именно первый случай. Суть в том, что знание внутренних механизмов поведения, будучи заимствовано системой, не приводит к отказу от этих механизмов. Можно это объяснить следующим образом. В ходе феноменологического описания мы рассматриваем систему как черный ящик и поэтому вынуждены построить какой-то новый механизм для того, чтобы связать входные и выходные параметры. Имея такой механизм, например, в виде уравнения, мы можем теперь имитировать поведение системы, производя соответствующие вычисления и переводя стрелки приборов. В отличие от этого, вскрытие черного ящика — это фиксация, описание того механизма, который уже был и функционировал. Это не дает никаких возможностей имитации, ибо использовать выявленный механизм — это значит просто заставить систему нормально функционировать. Поэтому, если бы газ усвоил исходные представления кинетической теории, он продолжал бы действовать так, как действовал до сих пор. Мы отвлекаемся здесь от очевидной относительности ввешенного противопоставления и от того факта, что анализ внутренних механизмов позволяет делать выводы относительно феноменологических характеристик.

Остается уточнить, что следует понимать под феноменологическим описанием деятельности, а что – под описанием ее внутренних механизмов. Первое – это фиксация тех объектов и операций, которые необходимы для получения определенного результата, иными словами, – технологические описания. Второе – выявление механизмов социальной памяти, механизмов традиций и различных случайных обстоятельств, которые вызвали к жизни указанные последовательности операций до того, как появились технологические описания. Многие виды человеческой деятельности постоянно воспроизводятся по непосредственным образцам. Феноменологическое описание в этом случае означает переход от образцов к словесным предписаниям, к технологическим программам.

В свете сказанного рационально понимать под рефлексией феноменологическое описание деятельности, которое может быть заимствовано, тем, кто эту деятельность производит. Происходит такое заимствование в действительности или не происходит – это уже другой вопрос. Но если оно имеет место, то приводит к коренной перестройке механизма деятельности. Нам при этом несущественно, строит ли это описание внешний наблюдатель или сам участник деятельности. Несущественен и характер последней. Важно то, что продукт познания некоторой системы может стать или становится элементом этой системы (парадокс Мидаса) или, что то же самое, акт познания системы оказывается в то же время и актом ее существенного изменения. Именно это и порождает особые методологические проблемы исследования рефлектирующих систем.

П.Г.Гусев

О различии гносеологической и рефлексивной характеристики структуры практики

Рассматривая практику в качестве основы познания, структуру ее часто характеризуют следующим образом: представляют практическую деятельность как единство "субъективной" и "объективной" сторон. Первая сторона включает в себя человека с его способностями, целями и целесообразными действиями, вторая – орудия, исходные материалы и продукты, получаемые из исходных материалов